

И.Ф. Щербатова

Фактор философии в системе ценностей Екатерины II

Щербатова Ирина Федоровна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: ir.rius@gmail.com

В статье поднят вопрос об адекватности понимания транслируемых в Россию понятий, возникших в иных исторических условиях. С этой целью реконструируется ситуация мобильного проникновения идей зрелого Просвещения в интеллектуальную среду традиционного общества, для которой был характерен синкретизм мировоззрения, свойственный переходным эпохам. В статье проводится мысль о том, что доминирование самодержавно-патерналистского мировосприятия с имманентными ему представлениями о богоданности власти и сословного устройства общества в значительной мере искажали смыслы философии Просвещения. Индикатором подлинной мировоззренческой позиции является определение места человека в системе ценностей. В силу слабого личностного фактора в традиционной системе ценностей адекватно понять антропоцентризм Просвещения могли лишь единицы. Центральной фигурой исследования выступает императрица Екатерина II, включенность которой в просветительские теории была более последовательной, чем у ее окружения. Ее политика есть свидетельство частичного восприятия демократических идей при довольно значительном искажении их смыслов. Показана двойственность и противоречивость ее личного восприятия: с одной стороны, Екатерина II, движимая идеей просвещения общества, создания нового человека, личного счастья, допускает проникновение в общественное сознание понятий естественного права, гражданского служения, антиклерикализма, равного для всех закона, с другой – пресекает любые попытки применения этих идей к российским реалиям. Там же, где Екатерина воспринимает целиком просвещенческую модель личного счастья, ее нравственный пример в условиях традиционного сознания выглядит весьма уязвимо. Вывод: интенсивное освоение европейской культуры в последнюю треть XVIII в. имело противоречивый характер именно потому, что основные понятия идеологии и философии Просвещения транслировали те смыслы, которые не соответствовали уровню философской и политической культуры русского общества.

Ключевые слова: Екатерина II, Просвещение, философия, гуманизм, понятия, мораль, традиционное общество, ретрансляция смыслов

Здоровье прежде всего; затем удача; потом радость; наконец, ничем никому не быть обязанной: вот все мои желания¹.

Екатерина II

В 2016 г. исполняется 220 лет со дня смерти императрицы Екатерины II, незаурядного во всех отношениях человека и политика. В данном контексте уместно напомнить, что именно благодаря Екатерине II стало возможным развертывание темы *женщина и философия* в России. С именем Екатерины II связано понятие женской эмансипации вообще и женского образования, в частности. 5 мая 1764 г. по инициативе И.И. Бецкого указом Екатерины II в Санкт-Петербурге при Воскресенском Смольном Новодевичьем монастыре было образовано Императорское Воспитательное Общество благородных девиц, позднее Смольный институт благородных девиц – первое в России женское учебное заведение. Юных дворянок готовили для придворной, светской и семейной жизни. В 1765 г. при Смольном открылось отделение для девиц мещанского звания. В духе времени Екатерина II задалась целью дать государству образованных женщин, хороших матерей, полезных членов семьи и общества. Основное значение, по мысли учредителей, должно было иметь нравственное воспитание. Атмосфера, в которой жили смолянки, по крайней мере, при Екатерине II, стремилась к заявленному ею принципу: «воспитание в красоте и радости»². Во времена Екатерины II женщина пользовалась таким же уважением, как и мужчина. Причем, это была женщина хорошо образованная, самостоятельно принимавшая решения, независимая в своих взглядах.

В пятнадцать лет Екатерина оказалась в атмосфере невероятных придворных интриг при заинтересованном участии иностранных дипломатов. Юная великая княжна моментально оценила преимущества, будучи одной из целей в этой борьбе группировок за влияние. Даже при незаурядных личных данных Екатерина могла бы править по-старому, но в этот момент шведский дипломат граф Гюлленборг, зная о природном уме, редких интеллектуальных способностях и немалой амбициозности великой княжны, рекомендует ей в качестве самообразования «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, сочинения Цицерона, «Размышления о причинах величия и падения римлян» Монтескьё. Это был переломный момент в становлении Екатерины II как личности. Последующие двадцать лет до восшествия на престол (1762) она изучала труды греческих философов, античных историков, французских просветителей, что не могло не повлиять на формирование взглядов будущей императрицы на народ, общество и государство. Причастность Екатерины II к философии – это основа историко-философского дискурса применительно к последней трети XVIII в. Выражение «философ на троне», как правило, прочно ассоциируется именно с Екатериной Великой, а не с римским императором Марком Аврелием, к кому собственно оно и имело отношение изначально. В «Дневнике» Екатерина не раз называла себя «пятнадцатилетним философом» [Дневник императрицы, 2013, с. 18–19], а в ранних заметках 1758–1762 гг., подчеркивая свою связь с веком Просвещения, она записала: «Я свободна от предрассудков и у меня ум от природы философский» [Екатерина II, 2010, с. 39].

Выражение «философ на троне», точно так же, как и «век философии» в качестве определения русского XVIII века, – это метафоры, призванные подчеркнуть качественно иное, напряженно интеллектуальное, содержание второй половины XVIII столетия в сравнении с предшествующими веками русской истории. Философичность русского XVIII в. в содержательном плане обусловлена комплексом идей, принадлежащих западноевропейской, главным образом, французской философии Просвещения. Западное Просвещение базировалось на творческом развитии и пере-

¹ [Екатерина II, 2010, с. 818].

² Уже при Павле I произошел отход от просветительских принципов во взгляде на место женщины в обществе: императрица Мария Федоровна произвела преобразования Смольного института, направленные на ограничение роли женщины семьей, кухней, церковью.

осмыслении философии эпохи Возрождения, осложненной глубокими изменениями общественного сознания в эпоху Реформации и ориентированной на совершенно иной онтологический статус человека. Развитие философских идей в Западной Европе Нового времени сопровождалось фундаментальными процессами кризиса теологического мировоззрения, рационализации сознания периода научных революций, следствием чего было преодоление абстрактного антропологизма. Интервенция западной философии в Россию при Екатерине II поднимает сложнейшие и до сих пор остро стоящие перед отечественной историей философии методологические проблемы оригинальности идей, адекватности восприятия инокультурных смыслов и подобные аспекты темы трансформации понятий, чем занимаются историки школы Райнхарта Козеллека, намеренные «через описание изменений содержания понятий отразить и объяснить изменения восприятия реальности (особенно социально-политической)» [Словарь..., 2014, с. 9].

Немаловажной деталью для реконструкции ситуации ретрансляции инокультурных смыслов является тот факт, что процесс возникновения и развития понятий западноевропейского философского дискурса оставался по большей части за рамками российского культурно-исторического контекста. Вынырнув из глубин Средневековья, русский образованный человек идеи античности, Возрождения и Нового времени вынужден был постигать единовременно, что при неразвитом еще историческом мышлении делало архисложной работу по адекватному выяснению изменяющихся во времени смыслов. Например, гуманистический пафос антиклерикальных сочинений Вольтера в России был воспринят не в задуманном автором смысле, а довольно односложно, как пример богохульства. Собственно термин «вольтерьянство» и стал синонимом религиозного вольнодумства, что значительно сужало, если не деформировало, восприятие антропоцентристской направленности просветительской философии. Наложение не только культурных пластов, но, в частности, философских культур, для каждой из которых было характерно свое особенное понимание человека, создавало уникальную интеллектуальную насыщенность и принципиальную противоречивость русского XVIII века. Все эти разновременные понятия составили философский дискурс, пик интенсивности которого пришелся на царствование Екатерины II, его в общем-то и спровоцировавшего. Семантическую сложность сознания русского общества XVIII в. из историков философии наиболее точно воспроизвел В.Ф. Пустарнаков: «Далекая история русского Просвещения начинается тогда, когда в России XVII – первой половины XVIII в. появились раннебуржуазные идеи, сходные с ренессансно-гуманистическими идеями, представлявшими первую форму буржуазного Просвещения. К этому времени относится также распространение буржуазных идей постренессансного и предпросветительского (протопросветительского) типа, особенно версий теорий “естественного права”, “общественного договора”, “просвещенного абсолютизма” в духе Гроция-Пуфендорфа» [Пустарнаков, 2002, с. 138].

Следует учитывать и то обстоятельство, что несколько десятилетий процесс освоения философии Нового времени проходил в ситуации отсутствия в русском языке понятийных аналогов. До середины XVIII в. и даже позже не только преподавание философии происходило на латыни или на немецком языке, но и самообразование, в частности, знакомство с возрожденческой или просвещенческой литературой также шло по оригиналам или в переводе на немецкий. Отсутствие русского понятийного, адекватного западному социально-политическому и культурно-философскому контекста провоцировало не всегда осознаваемое пребывание в двух реальностях. Это несовпадение чрезвычайно сложно обнаружить, так как для указанного периода характерна довольно скудная философская рефлексия.

В строго историко-философском отношении в XVIII в. российская философия как светская наука делала лишь первые шаги. Развитие профессиональной, т. е. академической и университетской философии, с XVIII в. шло исключительно по западной матрице, на основе западных источников при привлечении довольно огра-

ниченного круга имен картезианской и, главным образом, вольфианской школы. Так формировался внутриакадемический философский дискурс, долгое время если не лишенный совершенно качества системного развития философских учений, то демонстрирующий весьма малую способность к оному. Границы его оригинальности определялись индивидуальными способностями преподавателя к интерпретации концепций западных философов в условиях ограничения преподавания философии жесткой цензурой. Особенно это касалось преподавания естественного права.

В то же время появившийся вместе с проникновением философии Просвещения новый тренд на *практическую* философию с характерной для нее связью философии и политики, с ее непосредственными политико-социальными выходами обусловил развитие внеакадемического философствования. Имея разные задачи, эти две ветви философствования практически не пересекались. Именно в контексте внеакадемического, подчас дилетантского философствования происходило знакомство российского общества, разнородного по социальному составу, с идеями Просвещения. Внеакадемическое философствование как феномен в полной мере раскрывается в связи с деятельностью философских кружков, а затем и отечественной журналистики XIX в., но, благодаря открытой книжной политике Екатерины II (до начала 1780-х гг.), ориентированной на просвещение широких слоев населения, уже во второй половине XVIII в. стало возможным приобщение общества к западной философии.

Здесь возникает первая коллизия: благодаря расположению Екатерины II к трудам просветителей, по сути друзей ее молодости, русское общество получает доступ к новейшим идеям политической философии, позволявшим развивать демократический дискурс. В то же время самодержавно-патерналистская позиция императрицы не вызывала сомнений в первую очередь у нее самой, тогда как Александр I начинал свое царствование с намерения ввести в России конституционное правление. Особенно впечатляют ранние заметки Екатерины, относящиеся именно к периоду интенсивного погружения в сочинения просветителей с их гуманистической направленностью, верой в человека и его права. Екатерина, находясь только еще на пути к единоличной власти, мыслила исключительно в самодержавном духе: «Желаю и хочу только блага стране, в которую привел меня Господь. Слава ее делает меня славною»; «я хочу, чтобы страна и подданные были богаты – вот начало, от которого я отправляюсь: чрез разумное сбережение они этого достигнут»; «свобода, душа всего на свете, без тебя все мертво. Хочу повиновения законам, но не рабов; хочу общей цели – сделать счастливыми»; «желаю ввести, чтоб из лести высказывали мне правду» [Екатерина II, 2010, с. 39, 40, 42]. Отдавая должное преобразованиям Екатерины II, историки не особенно спорят по поводу ее политической толерантности, определяя ее границы от просвещенного деспотизма до просвещенного абсолютизма. Этот выдержанный во времени, осознанный самодержавный взгляд на характер своей власти, никогда не покидавший Екатерину, надо учитывать при анализе так называемого дворцового Просвещения. Дворцовое Просвещение – феномен в методологическом плане плохо проработанный. Понятно, что речь идет о частичном, выборочном оперировании или толковании просветительских принципов применительно к ситуации устойчивого, докризисного самодержавия, лишь внешне напоминавшего просвещенную монархию, что уже само по себе пример несоответствия. В силу ряда причин включенность Екатерины II в просветительские теории была более последовательной, чем у ее окружения. Немецкая принцесса Софья Фредерика Августа воспитывалась в протестантской культуре; до вступления на российский престол у нее было время, политическое чутье, огромное честолюбие и превосходные способности для того, чтобы познакомиться с трудами просветителей и даже вступить с Вольтером, Дидро и Гриммом в непосредственный диалог. В то же время часто не учитывается одна подробность, которая сводит общение Екатерины II с европейскими кумирами к пиару: императрицу раздражало непонимание корреспондентами элементарного, с ее точки зре-

ния, обстоятельства, а именно что к России неприменимы европейские рецепты. В действительности же применительно к России императрица видела в сочинениях энциклопедистов лишь «несбыточные теории».

Главным свидетельством просвещенческой продвинутой Екатерины II, как правило, называется созыв ею в 1767 г. комиссии по обсуждению нового Уложения и прилагаемый к этой акции «Наказ», документ правовой направленности, воплотивший достижения современной философско-политической мысли Европы. В основу «Наказа» легли заимствования из «Духа законов» Монтескье, а также переложения статей Д. Дидро и Д'Аламбера из Энциклопедии. В то время политико-практический аспект произведений просветителей не стал еще очевиден, как это произойдет после событий Французской революции 1789 г. Сочинения современных философов для Екатерины представляли собой именно сочинения *философов*, умозрительные концепции. Екатерина II как раз и попыталась проводить реальную политику в соответствии с отдельными идеями просветительской доктрины. По всей видимости, именно идея Монтескье о преимуществах участия народа в управлении повлияла на решение Екатерины II создать представителей всех неподатных сословий для составления проекта нового Уложения. Впервые власть привлекла общество к сотрудничеству в области законодательства и заявила, что желает знать о его проблемах из первых рук. Не скоро Романовы рискнут повторить этот опыт. По сути это было развертывание петровского требования служения государству, но императрица Екатерина II впервые дала свободу общественной инициативе. В результате общество приобрело бесценный опыт социальной активности, необходимое условие формирования гражданского общества. Без понимания того, что от любого человека что-то реально зависит, невозможно было бы и все декабристское движение. В заслугу Екатерине II справедливо ставится «укрепление гражданского начала как в обществе, так и в системе управления» [Мадариага, 2002, с. 931]. Вопрос только в том, в каком качественно обществе предпринимались попытки «укрепления гражданского начала»?

В истории России есть два человека, которых равно были готовы принять в число своих и либералы, и большевики и которых В.В. Зеньковский совершенно справедливо отнес к первым русским гуманистам. Показательно, что Н.И. Новиков призывал к человечности, основываясь на принципах христианства, а А.Н. Радищев осознанно исходил из демократических принципов Просвещения. Эти писатели восприняли призыв императрицы к образованию «новой породы людей», пытались воплотить в жизнь, донести до сознания идеи внесословного гуманизма и общественного служения, и именно императрицей они были репрессированы с особой жестокостью. История деятельности Новикова и Радищева – это показатель того, что общественное сознание эпохи Екатерины II еще не было готово к пониманию значимости и самооценности человека. К этому главному достижению европейской культуры Европа шла долго в упорной борьбе и в невероятных страданиях, так что в конце концов антропоцентризм стал центральной идеей Просвещения. Он не мог быть в том же виде перенесен в русский социально-культурный контекст и тем более освоен в полном объеме. Однако главное следствие состоит в том, что единицы его слышали, и с этих пор гуманистический взгляд на человека задал направление русской общественной мысли.

В этом месте, а именно в гуманистическом взгляде на человека, находится точка бифуркации: Екатерина II, лучше, чем кто-либо, освоившая весь комплекс просвещенческих идей, возможно, в силу самодержавного инстинкта, не оказалась способной включиться в этот гуманистический контекст. В ранних заметках Екатерины есть запись: «Противно христианской вере и справедливости делать невольниками людей (они все рождаются свободными)» [Екатерина II, 2010, с. 40]. Это смешение «христианских добродетелей с учением естественного права о том, что все люди от природы равны и свободны» [Зеньковский, 1991, с. 96, прим. 27] было довольно типично для последней трети XVIII в. Императрица не раз высказывалась в подобном христиан-

ском духе или в сугубо прагматическом о преимуществах свободного труда, личной свободы крестьянина и частной собственности, но издавала указы в основном одной направленности – усиления экономической и юридической зависимости крестьян от помещиков. Забавными кажутся планы Екатерины по освобождению крестьян на фоне реально варварских указов, к которым ее особенно никто и не принуждал. Например, она предлагала освобождать крестьян при продаже имения или объявлять свободными всех сирот Воспитательного дома, но на деле именно в разгар просветительской риторики в 1765 г. Сенат издал указ, по которому помещики получили право ссылать крестьян на каторгу, а в 1767 г. последовал другой, столь же известный сенатский указ, запрещавший крестьянам под угрозой ссылки в Сибирь жаловаться на помещиков. Понятно, что попытки как-то облегчить проявления крепостного права при обсуждении Уложения встретили недовольство поместного дворянства, но просвещенная императрица – и пик крепостнической политики? На самом деле, противоречие окажется мнимым, если рассмотреть его как проблему адекватности восприятия инокультурных смыслов. Понимание человека, его природы, аксиологии в секулярной культуре послепетровской России было в значительной мере книжным по происхождению и элитарным по охвату. Однако именно в этой западно-книжной стилистике формировался социально-политический дискурс, в котором содержание как бы обманывалось формой. Екатерина II принимала как принципы христианского равенства, так и соглашалась с идеями естественного равенства, но ее реальные шаги свидетельствовали о том, что она совершенно не способна была воспринять демократический смысл философии Просвещения. В начале 1789 г. она напишет швейцарскому философу и писателю И.Г. Циммерману: «Я уважала философию потому что в душе моей всегда была отменною республиканкою; признаюсь, что что такое расположение души с моею неограниченною властью покажется, может быть, чудным противоречием; однако ж в России никто не скажет, чтоб я власть свою во зло употребляла» [Екатерина II, 2010, с. 820]. Ценнейшее признание, свидетельство того, что по сути философия для Екатерины не обладала независимым аксиологическим статусом, она снизошла до нее как до инструмента в политике.

При Екатерине II Россия сделала качественный рывок в своем культурном развитии. В это время на фоне повсеместной риторики этического свойства, отражавшей процесс глобальной морализации общественной жизни, лидерство получили гуманистические принципы, понятия чести и достоинства человека, что отражает огромную работу, проделанную обществом по своему совершенствованию. Екатерина II напрямую связала культурный уровень общества с его нравами. Она уловила главную идею этики Нового времени, исходящую из признания зависимости интересов общества от морального совершенствования личности. Рационализму Екатерины II соответствовало понимание того, что невысокие нравственные критерии снижают эффективность мер по совершенствованию общества, что управлять государством и совершенствовать социально-правовую сферы легче с образованными, хорошо воспитанными людьми. Только в этом случае становится возможен диалог с обществом. Поэтому первые шаги Екатерины были связаны с мерами по улучшению нравов общества и воспитанию новой породы людей. Признавая решающую роль воспитания, она воплощала основной принцип идеологии Просвещения. В концепции совершенствования человека решающую роль играла идея права человека на счастье.

Здесь мы можем наблюдать очередную коллизию несовпадения. Личная жизнь императрицы есть иллюстрация фундаментального этического конфликта между стремлением к личному счастью и необходимостью следовать нормам общественной морали. Подобное противоречие проявляется тем ярче, если вся власть в государстве принадлежит женщине, правление которой к тому же пришлось на смену эпох. И здесь фактор философии становится системообразующим. Философия как синоним рациональности стала идейным обоснованием и одновременно оправдани-

ем новой морали. Заявленная императрицей идейная сопричастность Просвещению как бы оправдывала «новую мораль», низводившую общепринятые нормы до уровня пережитков. Императрица не раз говорила о том, что человек создан для счастья. Она полностью восприняла просветительскую идею естественности стремления к счастью, во всяком случае она явно была выше предрассудков. «Эта идея права на счастье – не в загробном мире, а на земле – разительно отличает французскую идеологию эпохи Просвещения» [Французское Просвещение, 1989, с. 4].

Возможно, императрица предполагала, что подробности ее частной жизни не выйдут за стены Зимнего дворца, однако такого рода новости растекались мгновенно, в народном сознании приобретая еще и утрированные, мифологические черты. Так, в Пугачевских прокламациях Екатерина II называлась «царицей-шлюхой», что в патриархальном сознании обосновывалось уже только тем, что императрица была не замужем; а в начале XIX в. среди раскольников бытовала легенда, будто Екатерина II была матерью Наполеона [Андреев, 1870, с. 277]. Императрица в глазах подданных была наделена высшей властью от Бога, следовательно, выбор Екатерины II невозможно было квалифицировать как частный случай. В силу занимаемого положения ее личная жизнь не могла не стать для многих примером для подражания, но предложенный ею вариант оказался довольно-таки спорным. Императрица вела себя как независимый от общественного мнения самодержец, и вопросы бы не возникали вообще, будь она мужчиной. В поведении Екатерины II не было эпатажа, не было явного намерения подорвать моральные основы общества. Она во всех случаях брала на себя все издержки мезальянса, постоянно балансируя между имморальностью и аморальностью. Правда и то, что ящик Пандоры припас для Екатерины немало опустошающих душу испытаний и потерь. Взгляд на императрицу как просто на женщину, который продемонстрировала в своем фундаментальном исследовании английский историк Исабель де Мадариага, позволил увидеть трагизм личной судьбы. Искалеченные материнские чувства, измена Салтыкова, Орлова и даже Григория Потемкина, ставшее «решающим психологическим потрясением», – всё это привело к «искажению эмоциональной сферы» Екатерины [Мадариага, 2002, с. 568]. К 1777 г., с отставкой П.В. Завадовского, заменившего князя Потемкина, «смена фаворитов Екатерины II приобрела скандальный характер. Императрица навязывала своих любовников русскому двору, сделав из фаворитизма официальный институт» [Мадариага, с. 563]. Как бы ни старались любовники в обществе придерживаться сугубо официального стиля общения, все знали, что соседние со спальней императрицы апартаменты слишком часто меняют постояльцев, причем один бывал моложе другого. Со стороны это выглядело так: «Самые сильные враги ее – это лесть и ее собственные страсти; она никогда не остается глуха к первой, как бы она ни была преувеличена; склонность ее удовлетворять последним с годами только усиливается» [Гаррис, 1874, стб. 1480]. Когда очередному фавориту Екатерина II вручала чин личного адъютанта и соответствующую должность, на деле это означало полнейшее смешение государственного и частного, что вряд ли снимало проблему моральной оценки происходящего. Как человек наиболее восприимчивый к требованиям времени, она руководствовалась тем, что христианский идеал святости может быть вытеснен идеалом служения, которому совершенно не противоречит стремление к удовольствию.

Проблема – отменяет ли традиционную мораль новая европейская философия – была сформулирована уже тогда в драматургии и журналистике, и решение ее не вмещалось в спор старой и новой морали, ведь критиками новых нравов выступали вовсе не длиннородные фарисеи. Новиков и Д.И. Фонвизин, по-разному относясь к Просвещению, были едины в том, что французские мудрецы «искореняют сильно предрассудки, да воротят с корню добродетель» [Фонвизин, 1959, с. 150]. Новиков не раз повторял, что просвещение не заменяет и не гарантирует развитости нравственного чувства. Моральной освобожденности была противопоставлена не старая

мораль, замешанная на средневековом ханжестве или аскетизме, а общепринятые моральные нормы, которые в условиях десакрализации морали приобретали де факто статус универсальной нормы.

Спорность нравов русского общества переходного периода – это своего рода проекция на формы бытования Просвещения в России; в частности, здесь мы видим пример демонизации именно философии французского Просвещения. Ни при Петре I, ни при Елизавете Петровне освобождение нравов, также поощряемое сверху, не получило «философского» обоснования. Позже Александр I, отдавая должное Екатерине II, указал на характерную для того времени обусловленность морали философией, понимаемой как вольнодумство: «Что до нравственного развития, то она была истинное дитя своего века. Мы были философами, и божественная сущность христианства ускользала от наших глаз» [Мадариага, 2002, с. 922]. Ключевский сравнил просвещенческую мотивацию с индульгенцией: «Философский смех освобождал нашего вольтерьянца от законов божеских и человеческих, эмансипировал его дух и плоть, делал его недоступным ни для каких страхов, кроме полицейского, нечувствительным ни к каким угрызениям, кроме физических, – словом, этот смех становился для нашего вольнодумца тем же, чем была некогда для западного европейца папская индульгенция, снимавшая с человека всякий грех, всякую нравственную ответственность» [Ключевский, 1990, с. 35].

Стареющая императрица теряла остроту восприятия, но именно она сделала всё, чтобы ее личный опыт в глазах следующего поколения был воспринят как опыт сомнительный. Вероятно, это можно назвать возмездием: «Как показало время, с моралью шутить нельзя, и возмездие настигло Екатерину: ее осудил тот, кого она любила больше всех, – внук Александр. И воспитание, которое она дала внуку, и особенности его темперамента заставляли Александра с отвращением смотреть на беспринципность Екатерины во внешней политике, безнравственность в частной жизни» [Мадариага, 2002, с. 921]. Тогда и оказалось, что «моральный казус императрицы» – это вещь, на которой проверялось общество. Иными словами, сама императрица, затеявшая нравственное совершенствование всех и каждого, как бы выставила на суд свою собственную практическую мораль. В то же время ее неспособность критически осмыслить свой нравственный опыт говорит о многом: так, по мнению Монтеня, наличие критического отношения к личному опыту есть свидетельство эмансипации человека от феодально-теологического мировоззрения [Гусейнов, Ирритц, 1987, с. 307].

С уходом Екатерины исчезла соблазнительность плохо прикрытого порока. «Лавласов обветшала слава», став предметом забавных анекдотов в духе Table-talk, еще до того, как родился автор этих строк. Показательно, что та же придворная мораль, освященная авторитетом Просвещения, которая рассматривалась неоднозначно в XVIII в., уже в начале XIX в. не вызывала разногласий в оценке. Человек, которого можно назвать совестью эпохи, убежденный монархист, Н.М. Карамзин в «Записке о древней и новой России» прямо указал на зависимость нравственного уровня общества от моральных установок его государя: «Слабость тайная есть только слабость, явная – порок. Ибо соблазняет других. Самое достоинство государя не терпит, когда он нарушает устав благонравия, как люди ни развратны, но внутренне не могут уважать развратных. <...> Горестно, но должно признаться, что, хваля усердно Екатерину за превосходные качества души, невольно вспоминаем ее слабости и краснеем за человечество» [Карамзин, 1991, с. 43]. Пушкин, хорошо знавший закулисную историю екатерининского царствования, отметил лишь одну его сторону: «Екатерина знала плутни и грабежи своих любовников, но молчала. <...> Отселе произошли сии огромные имения вовсе неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа. От канцлера до последнего протоколиста все крало, и все было продажно. Таким образом развратная государыня развратила и свое государство» [Пушкин, 1976, с. 163–164].

В ситуации этической аморфности, обусловленной революцией нравов, интерпретация идей европейского Просвещения оказала деструктивное воздействие на мораль. В новых координатах светской жизни выявилась и недостаточность официальной религиозно-нравственной опеки, и двусмысленность идей модной просветительской философии. Но все дело в том, что, если бы не обстоятельство Просвещения, никаких альтернатив в нравственной оценке императрицы могло бы и не быть. Ее оценка может выглядеть вообще по-другому, например, так: «Утилитарная беззастенчивость – это по сей день не изученное интегральное выражение позднефеодального нравственно-психологического климата. Меркантилизирующиеся феодальные верхи насаждают в обществе безнравственную интерпретацию самой нравственности» [Соловьев, 1989, с. 25].

Любое суждение о нравах общества должно выноситься с учетом конкретно-исторических условий. В этом плане русский XVIII век – архисложное явление. С одной стороны, бесспорно наличие «позднефеодального нравственно-психологического климата». С другой, – с новыми теориями и веяниями в Россию занесло и дух новой этики, к чему особенно была чувствительна русская императрица. Именно поэтому к «этической ситуации» в России в определенной степени применимы и наблюдения А.Л. Доброхотова. По его мнению, в XVIII в. картезианская этика, основанная на рационализме, вытесняется эмоциональной этикой. «Новая интуиция предполагает непосредственную очевидность и ценность человеческих переживаний и враждебно относится к любым абстрактным императивам, которые подчиняют себе многообразие душевной жизни. Смена “моды” затронула весь спектр просвещенческой культуры, и XVIII век обязан этому своим расцветом эстетической чувственности и праздничности, равно как и подъемом уважения к правам индивидуальности. <...> Однако опора на витально-психическое начало человека приводила к размыванию собственно нравственного начала. Здесь путаница, отождествлявшая морально-доброе с приятным, полезным, легитимно-правильным, религиозно-благочестивым, эстетически прекрасным, приводила или к кризису, или к деструкции морали» [Доброхотов, 2000, с. 85].

В основе проблемы лежит конфликт столкновения традиционного и нового, модернизирующегося сознания. Так, с позиции традиции, Екатерина II подала пример попраiania морали, но, отстраняясь от альковных тайн, нельзя не согласиться с тем, что императрица являет собой совершенно небывалый до тех пор в русской истории тип освобожденной женщины, по сути возрожденческий тип, для абриса которого неуместен именно нравственный критерий оценки, которого, например, придерживается автор книги «Екатерина Великая» современный историк Н.И. Павленко. «Элементарный разврат» [Павленко, 1999, с. 354] – так однозначно охарактеризовал он личную жизнь императрицы. В то же время Павленко привел ряд фактов, не то чтобы неизвестных, но позволяющих иначе высветить данную тему. Так, хорошо известно, что чины и звания, миллионы рублей и тысячи крепостных раздавались императрицей фаворитам и в процессе, и нередко в качестве «выходного пособия». Все это во мнении общества выглядело совершенно естественно. Пересуды шли на тему – «заслуженно мало» или «незаслуженно много». Опять-таки совершенно естественным эпизодом придворной жизни было довольно пикантное обстоятельство: доверенное лицо императрицы, Марья Саввишна Перекусихина, лично проверяла «на пригодность» претендентов на спальню императрицы. Личную жизнь, достоинства и недостатки фаворитов, подробности интимной стороны своей жизни императрица подробно описывала в письмах к Мельхиору Гримму. Все это рисует общество где-то еще неразвитое в экзистенциальном смысле, общество, живущее по иным нравственным критериям, для которого характерна иная, еще не свойственная этике модерна аксиология личности. Показательна в этой связи такая деталь – жизнь этих людей протекала в смежных комнатах дворца. Первая отдельная комната появилась только в начале 30-х гг. XIX в. в летней резиденции Николая I в Петергофе, и то для

его тяжело больной дочери. Отсутствие элементарного смущения в обстоятельствах деликатных нельзя объяснить только нравами двора или развращенностью императрицы. В нравах века Екатерины II легко узнается время, где гротеск и гипербола в выражении естественного выглядели нормой. По силе освобожденного, независимого от общего мнения поступка личность императрицы Екатерины II сродни таким же титанам, как Петр I, М.В. Ломоносов или Григорий Потемкин, – они столь же мощны, сколь и противоречивы, и уже поэтому не укладываются в строгие рамки, регламентирующие поведение человека эпохи Просвещения. Петр I и Екатерина II, сами разрушавшие средневековые каноны поведения, крепко охраняли основы самодержавно-сословного строя, пропуская «фантомы Возрождения» там, где они были не властны над ними, а именно в искусстве и в самореализации личности.

Русский XVIII век – это время решения гуманистических задач. Пафос западного гуманизма был направлен на возвышение человека, поработанного вездесущим, унижительным надзором католической церкви. Западный гуманизм проводил идею человека как гармоничного существа, апофеоз Творения. Большое значение придавалось новой морали, оправдывавшей земное существование при одновременно строгом ригоризме в отношении семейной жизни. В России середины – второй половины XVIII в. существовали похожие тенденции. В одической поэзии мощно звучала идея величия человека, в то же время чрезвычайно популярной стала иностранная куртуазная литература, а позже появилась и своя собственная, например, «Душенька» Богдановича, приучавшая читателя к новой, апеллирующей к открытому чувству, морали. Развитие искусства портрета способствовало признанию индивидуальных особенностей личности. Освобождаясь от средневековых пут церковности и Домостроя, появлялся и прочно утверждался в жизни человек, часто грешный, но уверенный в правомочности своего естества, без оглядки на церковь, высвобождалось подлинное чувство. Утверждение этих новых основ постепенно определяло общественную атмосферу, что отражалось в культуре, нравах, отношении к религии. Гуманистический прорыв в сознании соотносится с выходом из средневекового мировоззрения, сопутствующей ему десакрализацией идеологии и практики, главным метафизическим следствием чего правомерно считать усиление антропологического фактора.

В России не было классических в сравнении с западными образцами ни Возрождения, ни Просвещения, ни трансформации мировоззрения в итоге Реформации или рационализации сознания в результате научных революций, но философско-политические концепты западной мысли Нового времени были широко распространены в России, что поднимает вопрос о свойствах восприятия и адекватности ретрансляции смыслов. Наиболее остро эту проблему ставил В.Ф. Пустарнаков: «Национальная почва в эти годы еще не созрела для того, чтобы не только породить, но даже воспринять сравнительно целостные, настоящие просветительские концепции, сформировать самостоятельное просветительское направление мысли, а заимствованные извне просветительские идеи могли лишь частично модифицировать тогдашние направления русской национальной мысли» [Пустарнаков, 2002, с. 138].

Во второй половине XVIII в. в России создалась уникальная ситуация типологической неоднородности мировоззрения: элементы средневековой сословно-феодальной системы ценностей сочетались с элементами возрожденческого, гуманистического по сути сознания на фоне широкого распространения отдельных идей и понятий просветительской философии, что в целом характерно для синкретического мировоззрения переходной эпохи. Гуманистическое сознание, наиболее соответствующее эпохе выхода из средневекового теологического мировоззрения, было характерно для репрезентативной группы просвещенной части общества, являющейся индикатором общего культурного уровня. Для этой же группы нередко было свойственно и положительное восприятие отдельных принципов теории Просвещения, демократический смысл которых подчас оставался невыясненным. В редких случаях русские мыслители, преподаватели естественного права конца XVIII – начала XIX в.,

такие как Я.П. Козельский, А.Н. Радищев, И.П. Пнин, В.В. Попугаев, А.С. Кайсаров, А.П. Куницын, приближались к адекватному толкованию раннепросветительских теорий. Гуманистические идеи Просвещения, представляя собой развитие возрожденческого гуманизма, в России XVIII в. в наибольшей мере реализовывались в культуре.

Список литературы

- Андреев, 1870 – *Андреев В.В.* Раскол и его значение в народной русской истории. Ист. очерк. СПб.: Тип. М. Хана, 1870. 412 с.
- Гаррис, 1874 – *Гаррис Д., лорд Мальмсбери.* Россия в царствование Екатерины II (переписка английского посланника при дворе Екатерины II. (1778–1783) // Русский архив. 1874. Кн. 1. № 6. Стб. 1465–1512.
- Гусейнов, Иррлицц, 1987 – *Гусейнов А.А., Иррлицц И.* Краткая история этики. М.: Мысль, 1987. 589 с.
- Дневник императрицы, 2013 – *Дневник императрицы. Екатерина II* / Сост. И. Андреев. М.: РИПОЛ-классик, 2013. 256 с.
- Доброхотов, 2000 – *Доброхотов А.Л.* Эпохи европейского нравственного самосознания // Этическая мысль. 2000. С. 70–87.
- Екатерина II, 2010 – *Екатерина II.* Избранное. М.: РОССПЭН, 2010. 952 с.
- Зеньковский, 1991 – *Зеньковский В.В.* История русской философии: в 2 т. Т. I. Ч. I. Л.: Эго, 1991. 222 с.
- Мадариага, 2002 – *Мадариага И. де.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 976 с.
- Карамзин, 1991 – *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Примеч. Ю.С. Пивоварова. М.: Наука, 1991. 128 с.
- Ключевский, 1990 – *Ключевский В.О.* Соч.: в 9 т. Т. IX. М.: Мысль, 1990. 525 с.
- Павленко, 1999 – *Павленко Н.И.* Екатерина Великая. М.: Мол. гвардия, 1999. 495 с.
- Пустарнаков, 2002 – *Пустарнаков В.Ф.* Философия Просвещения в России и во Франции: опыт сравнительного анализа. М.: ИФ РАН, 2002. 341 с.
- Пушкин, 1976 – *Пушкин А.С.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М.: Худож. лит., 1976. 398 с.
- Словарь..., 2014 – *Словарь основных исторических понятий.* Избр. ст.: в 2 т. Т. I / Пер. с нем. К. Левинсон; сост.: Ю. Зарецкий, К. Левинсон, Ю. Ширле; науч. ред. пер. Ю. Арнаутова. М.: Новое лит. обозрение, 2014. 736 с.
- Соловьев, 1989 – *Соловьев Э.Ю.* Агония французского абсолютизма // Французское Просвещение и революция. М.: Наука, 1989. С. 15–74.
- Фонвизин, 1959 – *Фонвизин Д.И.* Собр. соч.: в 2 т. Т. I / Сост., подготовка текстов, вступит. статья и комментарии Г.П. Макогоненко. М.; Л.: Гослитиздат, 1959. 1372 с.
- Французское Просвещение, 1989 – *Французское Просвещение и революция.* М.: Наука, 1989. 272 с.

Factor of Philosophy in the System of Values of Catherine II

Irina Shcherbatova

PhD in Philosophy, Senior Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: ir.rius@gmail.com

The article analyses how Russian thinkers and political figures of the 18th century who were passionately consuming the ideas of the Enlightenment actually understood them. The author argues that the Russian society of the second half of the 18th century had a traditionalistic, a syncretic worldview, and was based on paternalism, submission to autocracy, the vision of the power as provided and ensured by God, and the vision of the social structure as composed of estates. This condition of the Russian society of the 18th century prevented the majority of Russian thinkers and political figures from grasping the ideals of the Enlightenment adequately and consistently. The author

argues that Catherine the 2^d was however one of the few people who actually received those ideas adequately and consistently. Yet, the outcomes of this reception were highly ambivalent on the level of Catherine's political decisions and moral ideals. The author claims that Catherine understood and accepted some democratic and individualistic ideals of the Enlightenment, such as the aspiration to create a new personality, the ideas of personal happiness, natural law, civic service, anticlericalism, anthropocentrism, and social equality. Yet, at the same time, she systematically refused to put these ideals in practice in Russia.

Keywords: Catherine the 2^d, enlightenment, philosophy, humanism, concepts, morality, traditional society, retranslation meanings

References

Andreev, V.V. *Raskol i ego znachenie v narodnoi russkoi istorii. Istoricheskii ocherk* [Schism and its Importance in the History of Russian Folk. Historical Review]. St.Petersburg: M. Khan Publ., 1870. 412 p. (In Russian)

Andreev I. (ed.) *Dnevnik imperatritsy. Ekaterina II* [Diary of the Empress. Catherine II]. Moscow: RIPOL klassik Publ., 2013. 256 p. (In Russian)

Dobrokhotov, A.L. Epokhi evropeiskogo nrvstvennogo samosoznaniia [Epochs of European Moral Consciousness], *Ethical Thought*, 2000, pp. 70–87. (In Russian)

Ekaterina II. *Izbrannoe* [Selected Writings]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010. 952 p. (In Russian)

Fonvizin, D.I. *Sobr. soch. v dvukh tomakh* [Works in 2 v.], vol. I. Moscow – Leningrad: Gosudarstvennoe Izdatel'stvo Khudozhestvennoi Literaturny Publ., 1959. 1372 p. (In Russian)

Frantsuzskoe Prosveshchenie i revoliutsiia [The French Enlightenment and Revolution]. Moscow: Nauka Publ., 1989. 272 p. (In Russian)

Guseinov, A.A., Irlitts I. *Kratkaia istoriia etiki* [A Brief History of Ethics]. Moscow: Mysl' Publ., 1987. 589 p. (In Russian)

Harris, J., 1st Earl of Malmesbury. Rossiia v tsarstvovanie Ekateriny II (perepiska angliiskogo poslannika pri dvore Ekateriny II. (1778–1783) [Russia in the Reign of Catherine II (the Correspondence of the English Envoy at the Court of Catherine II. (1778–1783)], *Russkii arkhiv*, 1874, kn. 1, № 6, stb. 1465–1512. (In Russian)

Karamzin, N.M. *Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniakh* [A Note on the Ancient and Modern Russia in its Political and Civil Relations], notes by Iu.S. Pivovarov. Moscow: Nauka Publ., 1991. 128 p. (In Russian)

Kliuchevskii, V.O. *Soch. v 9 tomakh* [Works in 9 v.], t. IX. Moscow: Mysl' Publ., 1990. 525 p. (In Russian)

Madariaga, I. de. *Rossiia v epokhu Ekateriny Velikoi* [Russia in the Age of Catherine The Great]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002. 976 p. (In Russian)

Pavlenko, N.I. *Ekaterina Velikaia* [Catherine The Great]. Moscow: Molodaia gvardiia Publ., 1999. 495 p. (In Russian)

Pushkin, A.S. *Sobr. soch.: v 10 t.* [Works in 10 v.], vol. 7. Moscow: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1976. 398 p. (In Russian)

Pustarnakov, V.F. *Filosofiia Prosveshcheniia v Rossii i vo Frantsii: opyt sravnitel'nogo analiza* [Enlightenment Philosophy in Russia and in France: Experience of Comparative Analysis]. Moscow: IFRAN Publ., 2002. 341 p. (In Russian)

Slovar' osnovnykh istoricheskikh poniatii. Izbrannye stat'i v 2-kh tomakh [Glossary of Key Historical Concepts. Selected Articles in 2 volumes], t. I. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 736 p. (In Russian)

Solov'ev, E.Iu. Agoniia frantsuzskogo absolutizma [The Agony of French Absolutism], *Frantsuzskoe Prosveshchenie i revoliutsiia*. Moscow: Nauka Publ., 1989, pp. 15–74. (In Russian)

Zen'kovskii, V.V. *Istoriia russkoi filosofii* [The History of Russian Philosophy], vol. I, ch. I. Leningrad: Ego Publ., 1991. 222 p. (In Russian)